

Чжоу Чуся припомнил: только что он был сосредоточен на готовке, но шаги Ван Гуйчжэнь всё же слышал - они прозвучали лишь тогда, когда она вошла. После этого он больше не слышал, чтобы она ходила туда-сюда.

Он кивнул и сказал:

— Должно быть, так. Я не слышал, чтобы она ходила по кухне. Лэ-гэр, что случилось? Что-то не так?

Неужели была какая-то большая проблема? В душе Чжоу Чуся сразу стало тревожно, и он с упрёком к себе сказал:

— Это всё я виноват, не заметил её...

Чжоу Сяолэ успокоил его:

— Ничего страшного. Я просто думал, с какой целью она вошла. Но теперь, похоже, Ван Гуйчжэнь всего лишь хотела посмотреть, как готовят чанфэнь.

Услышав это, Чжоу Чуся выдохнул с облегчением. Сам процесс приготовления чанфэня видел каждый, кто его ел; тут нечего было особенно скрывать.

— Всё хорошо, продолжай готовить.

Чжоу Сяолэ повернулся, собираясь выйти за дверь, но краем глаза заметил на стоявшей рядом полке книгу. Он подошёл, взял книгу и перелистнул пару страниц. В этой книге были и картинки, и текст; фразы живые, рисунки правдоподобные.

Он вспомнил целую кучу книг на полке Сюй Гуаня, взял книгу и помахал ею перед Сюй Гуанем, улыбаясь:

— Как эта книга сюда забежала?

«Стыдно мне, а ты, лис-оборотень, куда собрался?!»

Сюй Гуань сжал кулак и сухо кашлянул, прикрывая лицо, потом выхватил книгу из рук Чжоу Сяолэ:

— Я... я, когда грел лепёшки, от нечего делать читал... Забыл убрать... Лэ-гэр, не смейся...

Чжоу Сяолэ веселился до невозможности и в душе подумал, что на той книжной полке, должно

быть, ещё немало хороших книг.

Когда Чжоу Чуся приготовил чанфэнь, все блюда были поданы. Обычно на таких пирах едят по мере того, как блюда выносят на стол, но всё же следят за временем и не сметают всё сразу. Когда все блюда оказались на столах, Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань взяли чаши и начали один стол за другим обходить с тостами. Во время тостов знакомые люди ещё подкладывали новобрачным еду, уговаривая их есть. И всё это были куски жирного мяса без единой прожилки постного: один кусок в рот - и от жирности можно было умереть.

Но именно жирное мясо люди клали, когда хотели выразить добрые чувства. В этом другом мире, где большинству едва хватало на сытость, люди в основном были худыми как жерди, и в обычные дни съесть кусок жирного мяса считалось самым лучшим делом.

— Жирного мяса уже столько съели, у нашего стола жирное есть не будем. Давай-давай, Сюй Гуань, съешь вот это!

Говорившим был Чжоу Тунцай. С того дня, когда он пришёл помогать при вручении свадебных даров, он потом довольно хорошо сошёлся с Сюй Гуанем.

Сюй Гуань не стал колебаться и одним разом съел. Чжоу Сяолэ испугался, что он подавится, и поспешно протянул ему чашу с вином из своей руки. Только когда Сюй Гуань выпил и вернул чашу ему обратно, Чжоу Сяолэ вспомнил: это ведь была его собственная чаша для тостов.

— Хорошо, хорошо, хорошо!

То, что Сюй Гуань так решительно съел, вызвало у всех хлопки и одобрительные возгласы, и настроение поднялось до самой высокой точки.

В деревне свадебный пир для новобрачных обычно устраивали в полдень: так всем было удобно, поев, возвращаться домой не в темноте, а у молодожёнов оставалось время прибраться и закончить дела.

Недоеденные на пиру блюда и мясо разделили на несколько частей, чтобы пришедшие гости могли взять их с собой. Иначе осталось бы слишком много, Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань вдвоём всё равно не смогли бы всё съесть. Кроме нескольких близких тёток и фуланов, которые остались помочь с уборкой, остальные радостно разошлись по домам с мясом и блюдами в руках.

Ван Гуйчжэнь тоже воспользовалась тем, что никто не обращает внимания, прихватила одну порцию и унесла с собой. Уходя, она даже не посмотрела, где Чжоу Юн; просто, держа чашу, тихонько вернулась домой. Когда Чжоу Сяолэ вспомнил о ней, её уже и след простыл. А Чжоу Юн перед уходом подошёл попрощаться с Чжоу Сяолэ, но, едва попрощался, обнаружил, что матери нигде не видно. Потом увидел, что на столе не хватает большой чаши мяса, и как тут было не догадаться?

Его мать действительно потеряла последние крохи приличия...

С лицом, полным стыда, Чжоу Юн сказал:

— Лэ-гэр, это всё из-за меня...

Чжоу Сяолэ перебил его:

— Ты не виноват. Второй брат Юн, не вини себя. Ничего страшного, всего лишь чашка мяса.

Его мать натворила столько всего, а Чжоу Сяолэ свёл всё к одной чашке мяса - это было лишь ради того, чтобы оставить ему достоинство. Чжоу Юн в душе запомнил доброту Чжоу Сяолэ и принял протянутую ему оливковую ветвь. Он улыбнулся и сказал:

— Понял. Лэ-гэр, вы с Сюй Гуанем живите хорошо. Я пойду.

Гости один за другим уходили. Чжао Шан остался до самого конца; когда пир закончился, его поручение тоже было выполнено. Видя, как Сюй Гуань и Чжоу Сяолэ понимают друг друга без слов, он решил, что это вовсе не похоже на притворный брак. Раз так, ему тоже будет что доложить хозяину. Если вернуться сейчас, он ещё успеет отправить письмо.

Подумав об этом, он поднялся и попрощался с ними.

Чжао Шан сложил руки и поклонился:

— Господин Сюй, Сюй-фулан, у меня ещё есть дела, не стану задерживаться. Когда в будущем будет свободное время, непременно приеду в деревню Цяньлю к вам двоим ещё выпить по чаше.

Сюй Гуань сказал:

— Хорошо.

Когда людей было много, невольно думалось, что двор достаточно велик и может вместить столько народу. А когда все ушли и во дворе остались только Сюй Гуань и он, тот вдруг показался чрезмерно тихим.

Сюй Гуань некоторое время нерешительно стоял на месте, потом сказал:

— Я... я пойду вскипячу воду. Когда стемнеет, мыться будет неудобно.

Но, сказав это, он не сразу ушёл, а дождался, пока Чжоу Сяолэ с улыбкой ответит, и только тогда направился на кухню.

Кухня уже не была похожа на тот беспорядок, что царил здесь днём: перед уходом тётки и фуланы всё очень чисто прибрали. Сюй Гуань сложил в очаге маленькую кучку дров, потом тонкими щепками разжёг огонь. Пламя только поднялось, как он увидел, что Чжоу Сяолэ вошёл с двумя деревянными вёдрами и сказал:

— Я сходил в купальню и принёс деревянные вёдра.

Сюй Гуань посмотрел на вёдра и сказал:

— Ты сначала иди в комнату отдохни. Когда вода будет готова, я тебя позову.

Чжоу Сяолэ не ответил сразу. Он немного помолчал и только потом сказал:

— Ничего, я здесь посижу.

Сюй Гуань сел рядом с ним. Они вдвоём смотрели на огонь в очаге и какое-то время молчали. Чжоу Сяолэ в душе колебался, а Сюй Гуань... если говорить о Чжао Шане, придётся говорить и о его прошлом. Но с сегодняшнего дня все эти дела уже не имели к нему никакого отношения. Даже если рассказать, это лишь прибавит тревог.

— Та твоя повесть о странном интересная? О чём там история? — спросил Чжоу Сяолэ.□□

Сюй Гуань сказал:

— Мм... кажется, там говорится о том, что один ученый в детстве жил очень плохо. Когда он вырос, услышал от людей, что ему нужно стать большим чиновником, а став большим чиновником, он сможет отомстить всем, кто в детстве его обижал.

Сюй Гуань вдруг улыбнулся улыбкой, в которой трудно было понять смысл. Просто так, внезапно, улыбнулся. Через мгновение он продолжил:

— В итоге неожиданно оказалось, что большим чиновником он не стал, да ещё и был наказан так, что больше не мог участвовать в кэцзюй.

— А потом?

— Потом он встретил лиса-демона, они полюбили друг друга и с тех пор прожили счастливую жизнь.

Чжоу Сяолэ расхохотался:

— Не ожидал, что все книжки с историями во всей Поднебесной заканчиваются одинаково.

— Верно.

Чжоу Сяолэ, подперев щеку одной рукой, посмотрел на Сюй Гуаня и с улыбкой спросил:

— А лис-демон красивый?

Неизвестно почему, Сюй Гуань немного занервничал. Горло у него сжалось, и он тихо сказал:

— Ученый сказал, что очень красивый.

На этот раз Чжоу Сяолэ рассмеялся ещё сильнее. Вскоре его смех постепенно стих, а на губах Сюй Гуаня появилась лёгкая улыбка.

Чжоу Сяолэ, опираясь одной рукой на плечо Сюй Гуаня, поднялся, потом вдруг вспомнил ещё один вопрос, опустил голову и спросил:

— Кстати, а как мы сегодня будем спать? В том твоём флигеле даже кровати нет. Как ты спал эти несколько дней?

Заговорив об этом, Сюй Гуань смутился:

— ...Постелил немного сухой травы и спал. Сейчас эта сухая трава позади тебя.

— ...

Чжоу Сяолэ обернулся и действительно увидел в углу вязанку травы. Травы явно стало меньше наполовину; наверное, сегодня, когда готовили блюда, немало ушло на растопку.

Уголки его губ дважды дёрнулись, и он сказал:

— М-м... эту постель наполовину сожгли.

Сюй Гуань с виноватым видом сказал:

— Прости. Я раньше заказал в городке кровать. Изначально она должна была прийти ещё

несколько дней назад, но мастерская отложила срок и сказала, что доставят вчера. В итоге вчера ночью прислали человека сказать, что с кроватью случилась какая-то неожиданность...

Эти слова прозвучали так, будто он оправдывается.

Сюй Гуань добавил:

— Ничего страшного. Лэ-гэр сегодня ночью просто отдыхай в главной комнате. Во флигеле ещё есть доски, если их сложить, тоже можно спать. Через несколько дней кровать привезут, и всё будет хорошо.

Раз в те дни, когда он спал во флигеле, он не сложил доски, а спал на сухой траве, значит, эти доски либо появились из ниоткуда, либо их всего одна-две, и спать на них попросту невозможно. Чжоу Сяолэ тоже не знал, что сказать. В душе он подумал: если сейчас вернуться домой и перенести сюда свою кровать, не выйдет ли так, что вся деревня выстроится в очередь смотреть представление?

Что? Новобрачные супруги только днём сыграли пир, а вечером уже спят в разных комнатах? Разве такой сюжет не достоин того, чтобы его записали в книжку? И не говоря уже о всей деревне, одного только препятствия в лице его сестры он бы не прошёл.

В этом другом мире многие люди вступали в брак так, что только в брачную ночь при свечах, подняв покрывало, узнавали, круглый перед ними человек или плоский.

Их с Сюй Гуанем брак, пусть вначале и был нелепо связан обстоятельствами, но раз уж связан, то в глазах здешних людей все будут считать его настоящим и не допускающим притворства. Подумав об этом, Чжоу Сяолэ вдруг замер. Он подумал: Сюй Гуань ведь тоже родился и вырос здесь, но всё равно смог привлечь во внимание его мысли и заранее предложить условие - если у него появится любимый человек, он даст ему свободу.

Слова покрутились у Чжоу Сяолэ на языке, и всё же он произнёс:

— Не нужно так хлопотать. По-моему, кровать в комнате довольно большая, так что... так что будем спать в главной комнате.

Сказав это, он не стал ждать ответа Сюй Гуаня и тут же бросил ещё одну фразу:

— Я пойду разберу приданое.

Стоило слову «приданое» вырваться наружу, как порозовевшее лицо Чжоу Сяолэ вспыхнуло целиком. Он не посмел смотреть на выражение Сюй Гуаня и поспешно быстрым шагом вышел из кухни.

Он пробормотал себе под нос:

— Впредь нельзя разговаривать у очага. Жарко слишком.

Приданого, которое он принёс, было всего три сундука, и разбирать там, по сути, было нечего. Одежда изначально лежала в сундуке, вынимать её не требовалось. Одеяла были ватными, а в такую знойную летнюю пору в деревне, как бы ни было прохладно, до ватного одеяла дело не доходило, так что этот сундук снова закрыли.

Оставался ещё один сундук с едой, несущей благие пожелания, но к полудню от неё уже не осталось и костей. Поэтому Чжоу Сяолэ вошёл в главную комнату, обошёл её кругом и так и не нашёл, чем заняться. Но даже без дела он всё равно отыскал себе хоть какое-то занятие.

Неизвестно сколько прошло времени. Только он в душе немного успокоился, как Сюй Гуань пришёл сказать, что вода готова. Лицо Сюй Гуаня было спокойным, и сердце Чжоу Сяолэ тоже понемногу утихло. Он взял одежду и пошёл в купальню мыться.

Лунный свет уже опустился, чёрная завеса накрыла всё вокруг. Последние звуки в деревне стихли, и настала очередь сверчков: их стрекот то поднимался, то падал, и чем громче они пели, тем тише казалась ночь. Даже дыхание стало легче и тише.

Чжоу Сяолэ смотрел на полог над кроватью. В голове он то считал, сколько раз снаружи стрекотнули сверчки, то прикидывал: если его рука чуть шевельнётся, коснётся ли она другой руки? Он думал налево и направо, но сам не понимал, о чём именно думает.

Он вспомнил, что в прежней жизни ему нравились мужчины, но спать с кем-то на одной кровати ему ещё не доводилось.

Потом он подумал, что в прежней жизни вся его голова была забита только одним: создать первую в стране сеть чанфэнь. У него даже любимого человека не было, как он мог бы спать с кем-то вместе?

А потом ещё подумал: такого красивого человека, как Сюй Гуань, он и в прежней жизни никогда не встречал. Как же так вышло, что теперь он лежит с ним на одной кровати?

Горло у него, с мыслями, разлетающимися во все стороны, слегка двинулось. Звук был совсем тихим, но ночь была слишком тиха, и даже этот маленький звук словно перекрыл стрекот сверчков за окном. И без того лёгкое дыхание он прямо задержал.

— Лэ-гэр... — тихо сказал Сюй Гуань. — Лэ-гэр, ты спишь?

— Нет... я... я обычно поздно засыпаю...

Он солгал. Человек, который каждый день вставал в час Мао, к этому времени давно уже играл бы в шахматы с господином Чжоу*.

(ПП: это Чжоу-гун, легендарный мудрец и основатель династии Чжоу. В китайской культуре он стал символом сна:)

— Правда? — мягко сказал Сюй Гуань.

Послышался тихий шорох. Сюй Гуань перевернулся и лёг лицом к Чжоу Сяолэ.

Он тихо сказал:

— Лэ-гэр... если я человек, которому нет прощения, Лэ-гэр будет меня презирать?

Тон его был очень странным, особенно когда он произнёс слово «презирать». Чжоу Сяолэ замер, потом тоже перевернулся лицом к нему и так же тихо спросил:

— А ты такой?

— Наверное... — Сюй Гуань, нахмурившись, подумал немного и с неуверенностью сказал: — Наверное, да.

— Ты убивал людей?

— Нет.

— Поджигал?

— Нет.

— Ты не убивал Бо Жэня, но Бо Жэнь погиб из-за тебя*?

— Да.

— И что с тем человеком?

— Умер, — голос был очень-очень тихим. — Все умерли.

(ПП: Это знаменитая цитата из китайской истории, связанная с эпохой Восточная Цзинь (IV

век н. э.) и трагической судьбой двух сановников - Ван Дао и Чжоу И (по прозвищу Бо Жэнь). Брат Ван Дао поднял мятеж. Ван Дао, опасаясь казни, пришёл к императорскому двору просить о пощаде. По пути он встретил своего друга Чжоу И и попросил его замолвить за него слово перед императором. Чжоу И сделал вид, что не слышит, и прошёл мимо, не сказав ни слова. Ван Дао решил, что друг предал его, и затаил обиду. На самом деле Чжоу И вошёл во дворец и горячо убеждал императора помиловать Ван Дао. Но он не сказал об этом Ван Дао. Позже, когда брат Ван Дао захватил власть, он спросил Ван Дао, казнить ли Чжоу И. Ван Дао промолчал, и Чжоу И был казнён. Позже Ван Дао нашёл в архивах прошение Чжоу И о его помиловании. Тогда он понял, что друг на самом деле спас его, и горько воскликнул: «Я не убивал Бо Жэня, но Бо Жэнь погиб из-за меня».)

<http://bllate.org/book/17639/1733115>